

СВЯТОЙ РУССКИЙ

*Б.М. СЕРГЕЕВ,
старший преподаватель
кафедры рисунка*

Пленный солдат, который стал рабом, не имевший ничего: ни пресловутых прав человека, ни дома своего, ни имущества, вдруг обрел в душе своей весь мир одной только верой, настолько сильной и искренней, что стал понятен и близок людям другой веры и почитаем ими.

Ночь на 11 июля 1711 года для царя Петра была самой страшной, если не считать той, когда он еще мальчишкой несся в одной рубахе на лошади из Преображенского к Троице-Сергиевой лавре во время стрелецкого бунта. Этой ночью решалась его судьба, судьба страны, отдавшей сотни тысяч жизней в нескончаемой войне со шведами. Он, Петр, победитель при Полтаве самого короля шведского Карла, был в мышеловке; его 38-тысячная армия оказалась притиснута к Днестру и окружена 200-тысячной армией турок. 300 пушек одной из лучших в мире артиллерии были нацелены на его лагерь с голодными, пятый день не евшими хлеба, солдатами.

Правитель Валахии Бранковяну нарушил договоренности, предал русскую армию и выдал туркам все припасы, заготовленные русскими, а обещанные им 30 тысяч валахов на помощь русской армии не пришли. Оставались либо плен, особенно позорный после всех побед, либо отчаянная попытка прорваться, что было равносильно смерти. Тайная, чуть теплившаяся надежда была на переговоры канцлера Шафирова с великим визирем султана Балтаджи, человеком не воинственным и мало подходящим

на роль военачальника. Была инструкция — отдать все, что потребуют турки. Все, кроме Санкт-Петербурга, ибо тогда уж лучше смерть в бою. Супруга Петра Екатерина успокаивала теряющего от переживаний рассудок царя, солдаты готовились к бою, к смерти, так как прорвись они сквозь турецкую армию, то пришлось бы идти по объединенной саранчой местности, в окружении татарских Девлет-Гирея и польских, под командованием Понятовского, всадников. Для татар это были новые рабы, часть которых можно было продать в Турцию, Венецию, часть угнать в Крым, где десятки тысяч русских невольников возделывали землю, строили здания, копали колодцы. Это было государство, жившее исключительно грабежом за счет набегов на Русь, Малороссию, Польшу. Только в конце XVIII века этому был положен конец, и русской армией было освобождено свыше 30 тысяч рабов. Хитрец Шафиров и хорошая взятка, на которую Екатерина отдала все свои драгоценности, совершили для Петра чудо. Требования турок оказались умеренными: отдать Азов, Таганрог, никакого флота на юге, но сохранялись все русские завоевания в Северной Европе. Армия, счастливая от такого ис-

хода почетной капитуляции, под барабанный бой, с развернутыми знаменами, ушла сквозь турецкие порядки в молдавскую степь. Не все дошли до России; кто был убит в стычках с неприятелем, кто-то умер в пути от болезней, кто попал в плен. Был среди тех несчастных, кому судьба выпала стать рабом в чужой земле, и молодой солдат по имени Иван. Возможно, он служил в драгунах, потому что купивший его начальник турецкой кавалерийской части определил нового раба быть конюхом. Ивана привезли в Каппадокию, местность, лежащую в центральной части Турции. Это удивительные места, где равнины сменяются невероятными по своей фантастичности причудливыми скалами, с прорубленными внутри жилищами, храмами, монастырями. Там была создана духовная основа и сила православия трудами великих столпов христианства Василием Великим, его знаменитым ученым — братом Григорием Нисским, и их другом, замечательным поэтом Григорием Богословом и многих других подвижников. Как раз в одном из таких селений с названием Прокопион, теперь называемый Ургюп, и было суждено жить Ивану. Помимо турок, в этих местах в то время жили и греки, причем не одну тысячу лет. Турки

СОЛДАТ

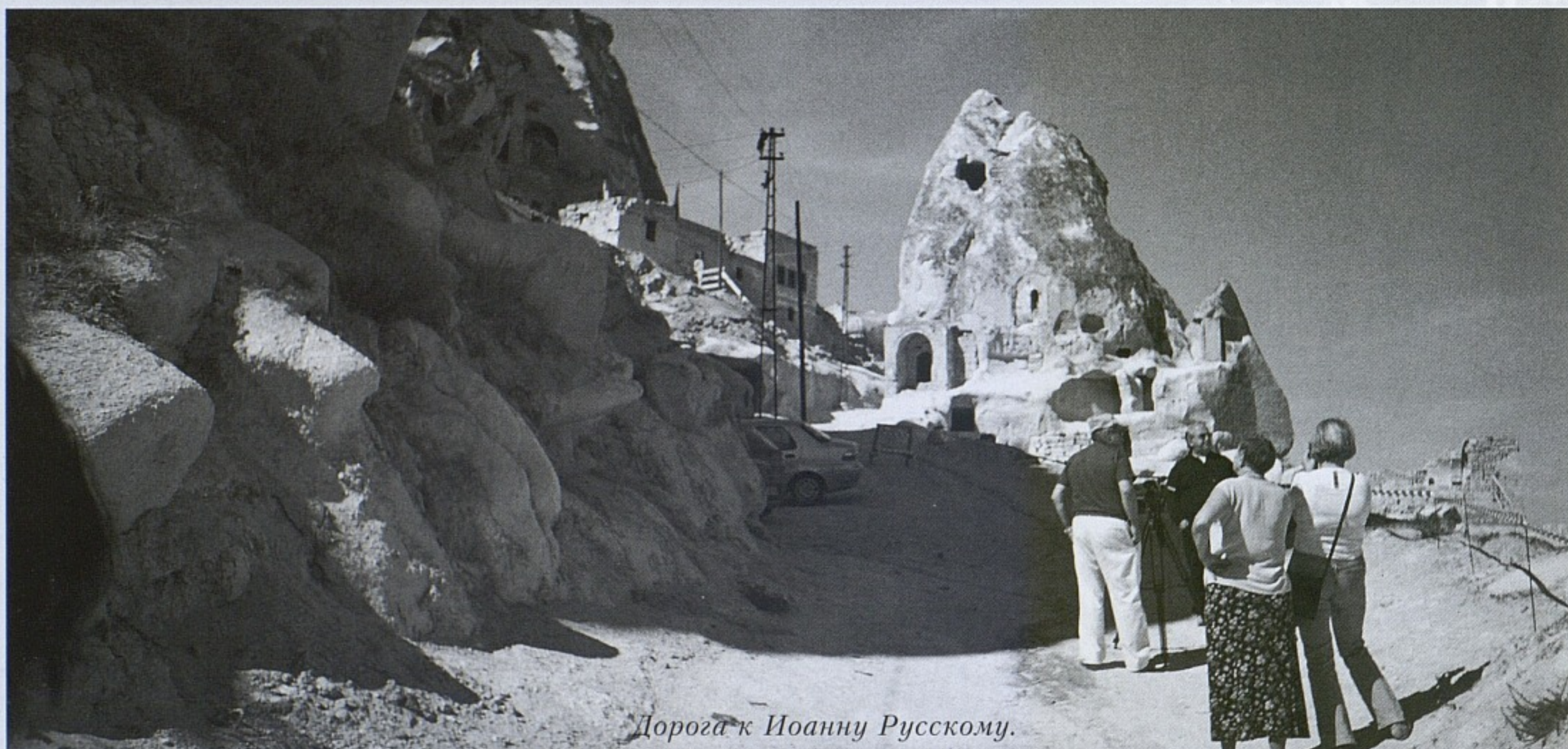
На всех дорогах острова стоят указатели — к храму «Святого Иоанниса Россоса». Греки с уважением и любовью относятся к России, особенно к русским воинам, говоря: «Один из них защищает нас здесь, на Эвбее».

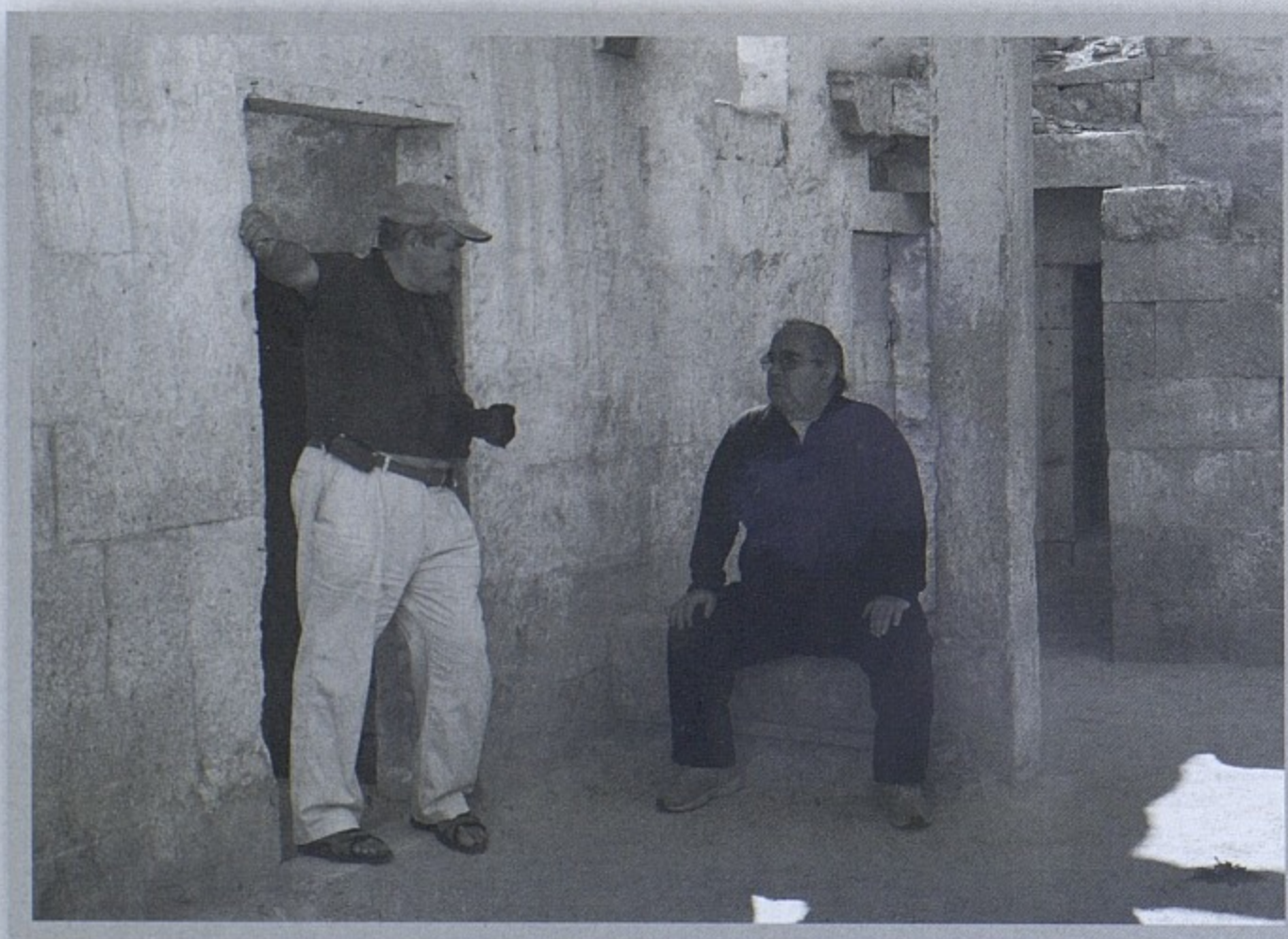

Вход в конюшню.

не препятствовали христианам молиться в церквях, если те не участвовали в восстаниях против турецкого господства. Только тогда церкви закрывали или разрушали. В Каппадокии было более менее спокойно, и новый раб имел возможность ходить молиться в небольшой, вырубленный в скале храм св. Георгия, неподалеку от дома паши, где он служил. Греки звали его Иоаннис, турки—яхья. Рабство он принял смиренно, как испытание Божие. Крепкий в вере, он не стал облегчать свою долю принятием ислама, к чему, видя раба своего нестроптивым и порядочным, хотел склонить его хозяин, сначала уговорами, а затем и через силу и побои. Иоанн,

Дорога к Иоанну Русскому.

Беседа с послом.

станем его называть так, отказался от счастья стать мусульманином, ибо стать вероотступником значило тогда, да и сейчас, хотя об этом в наше безверное время мало кто задумывается, навсегда погубить свою душу, а хуже этого и ничего быть не может. Множество моментов из житий святых мучеников, исповедников веры древности и нашего времени дают яркие свидетельства этого. Иоанн заявил своему хозяину: «Если ты не станешь препятствовать мне в исповедании моей веры, я буду охотно исполнять твои приказания, но если ты начнешь принуждать меня отказаться от моей религии — знай, что я скорее откажусь от своей головы, чем от веры». Паша, как человек умный, не стал больше

его принуждать и видя хороший характер слуги, и что он преданно служит, предложил ему перейти жить из конюшни в свой дом, на что Иоанн, которого стали звать Русским, не согласился и остался жить в конюшне, ибо легче ему было там молиться по ночам и ходить в церковь на службу. Так он прожил до 40 лет, преодолев презрение и побои рабов и турок, но под конец, внушая уважение и грекам, и туркам. Остались многие свидетельства о чудесных случаях, происшедших во время его поистине святой жизни. Один из них был особенно знаменит — это удивительный случай с блюдом плова. Паша, глубоко уважавший своего конюха, а каппадокийские лошади были одними из лучших в свое время, говорил, что многим из богатства, что умножилось, он обязан Иоанну, слуге честному и старательному. Однажды, когда паша уехал в хадж в Мекку, его домашние, узнав о том, что тот благополучно добрался до священного города мусульман, решили отпраздновать это событие. Был приготовлен роскошный плов, и когда жена паша, пожалев о том, что мужу не удастся его попробовать и услышав просьбу прислуживавшего за столом Иоанна дать ему это блюдо с пловом для паша, в изумлении приказала выдать просимое. Иоанн отнес блюдо к себе, стал молиться, и блюдо вдруг исчезло. Прошло время, паша вернулся из хаджа, его радостно и с почетом встретили, а он рассказал об удивительном случае, происшедшем с ним в Мекке, когда вернувшись в комнату, где он тогда там жил, он обнаружил на столе блюдо из своего дома в Прокопионе с горячим пловом. После этого случая Иоанна стали почитать уже все как избранного Богом, и всем он старался помочь: и грекам, и туркам.

Эта удивительная история имела продолжение в 1980-х годах, когда священник храма св. Иоанна Русского в Греции, собирая сведения о житии святого, страстно хотел найти это блюдо, чтобы поместить его фотографию в своей книге: и каково же было его изумление, когда одна женщина принесла ему медное старинное турецкое блюдо. Ее рассказ был о том, что во сне ей явился святой Иоанн и велел

найти в подвале дома ее старого отца в 1924 году, изгнанного вместе с 1,4 млн греками из Турции и приехавшего из Прокопиона на остров Эвбея в Греции, медное блюдо и, почистив, принести его в храм: «Мне оно нужно», — сказал он. Так жил он до 40 лет и по смерти своей был похоронен не как раб, но как человек уважаемый.

Спустя некоторое время мощи его были обреты и положены в той церкви св. Георгия, где он был прихожанином. Священник, в свое время причастивший Иоанна на смертном ложе и принеший св. дары для причастия в яблоке, из опасения осквернения их от турок по пути к умирающему однажды увидел сон, в котором святой Ио-

анн Русский сказал, чтобы тело его, не подверженное тлению, подняли из могилы и перенесли в церковь. Благоухание мира, исходившее от тела и земли вокруг, поразило всех присутствующих, и православные греки, и мусульмане — турки собрали всю эту землю. Место нового пребывания святого стало почитаться, а в XIX веке был построен новый большой храм в Прокопионе, куда помещены мощи святого. Мусульмане так же часто приходили просить помощи у мощей святого Иоанна, и сохранились многие свидетельства этой помощи.

Но наступил 1924 год, когда произошел обмен населением: 1,4 млн греков должны были покинуть землю, где жили их предки не одну тысячу лет, в обмен на 400 тысяч

турок из Греции. Храм, был взорван, греки уходили, забирая лишь самое ценное: иконы, святыни, мощи. Грубо прерванная жизнь христианского народа, брошенные, оскверненные храмы, исцарапанные, закопченные дымом от костров, разведенных в помещениях церквей, фрески, разрушенные монастыри — как страшно все это повторилось уже в конце XX века, но только в Косово, где также народ, живший свыше тысячи лет на своей земле, был согнан пришельцами, и взорваны были 143 храма, начиная с XIII, XIV, XVI, XIX веков, уничтожены фрески, мозаики, иконы, убиты священники и многие тысячи православных сербов. Я видел эти фотографии разоренного Косово — это страшное предупреждение нам. Греки же, добравшиеся до новой родины, строили новые храмы, местам новой жизни давали имена своих селений, где жили раньше, но с приставкой «нео», что по-гречески значит «новый». Так на острове Эвбея, у берегов Пелопоннеса, возник Неопрокопион. Там с 1930 по 1951 год строился храм в честь св. Иоанна Русского, где и были положены мощи бывшего русского солдата, очень почитаемого в Греции, да и в России.

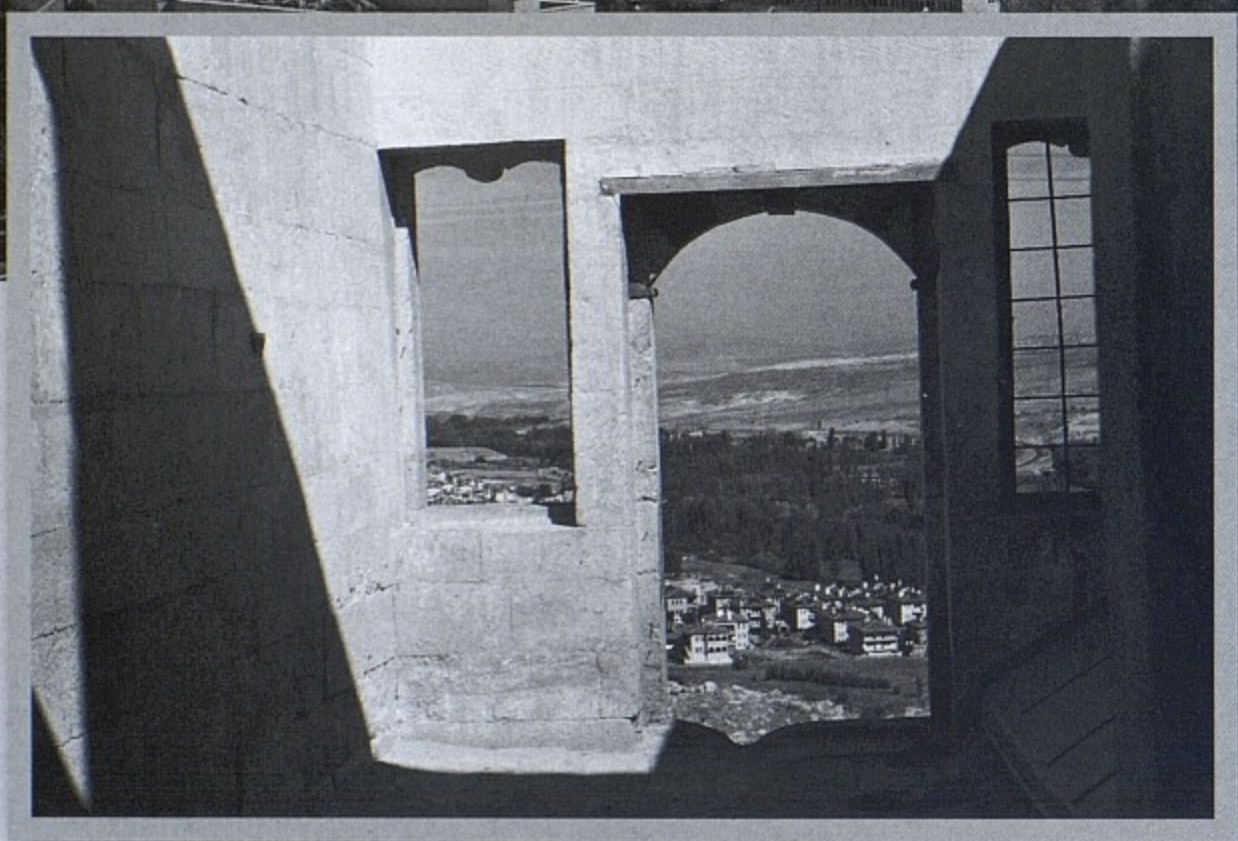
Осенью 2006 года мне довелось быть в Ургюпе (бывш. Прокопионе) на открытии Каппадокийского университета, в составе нашей маленькой исследовательской группы фонда «Синергия», во главе с Б.И. Царевым, уже не первый год занимающейся исследованием византийских памятников на территории Турции. После докладов на этой конференции мы пригласили нашего посла в Турции П.В. Стегния поселиться с скальным отелем, неподалеку, в селении Гереме. Пережив прием, устроенный мэром городка, с громкой турецкой музыкой, вертящимися «дервишами», мы отдыхали на террасе маленького отеля, врубленного в скалу, с каменным столом, каменными кроватями, со всеми удобствами. И тут посол рассказал, что ему объяснили, как найти дом, где жил св. Иоанн Русский.

Утром наша группа поехала в Ургюп, чтобы найти это место. Немного попетляв по улочкам, мы оставили машину у подъема вдоль высокой скалы и пешком пошли

вверх по грунтовой дороге. Заброшенный храм, вырубленный в отдельно стоящей скале, нас навел на мысль, что это и есть та самая церковь св. Георгия, куда ходил молиться русский пленник, ибо дом паши, его хозяина, метрах в 100 вверх по дороге. Он, ныне в реставрации, открывал из сво-

с нашей делегацией Московского патриархата, и подумалось, что быть может св. Иоанн поможет наконец-то преодолеть существующие между нашими церквями проблемы. Как-то спокойно вдруг стало в нам, находившимся в этой подземной конюшне, у этих ныне пустых стойл, этой святой для нас

зависимости, желания успеха, славы, денег — словом, от всего, что ныне объявлено венцом ценностей жизни. Как же богаче был тот раб из Прокопиона, что стяжал славу свою и почитание в народах своей, да и чужой веры, и как ответом на это почитание были и являются в настоящем многочисленные слу-

Вид из дома паши

их окон дивный вид на долину с городком внизу, с как бы перламутровыми, из-за разноцветного, пастельных тонов туфа, скалами вдали и ясным, синим небом. Сохранилась и конюшня, где служил св. Иоанн; это вырубленное под домом пространство с подпирающими невысокий плоский свод колоннами посередине, яслями по бокам, вырубленными в камне углублениями, с каменными же перемычками в полу и нишей, где жил святой. Нам сказали, что сюда приезжал нынешний вселенский патриарх Варфоломей и служил здесь молебен, еще были видны следы от зажженных тогда свечей, а уже в мае нынешнего 2007 года вновь было богослужение, но уже

ниши, этого воздуха, сухого от туфа, из которого состоят скалы. И пришла мысль о том, что ведь этот пленный солдат, который стал рабом, не имевший ничего; ни пресловутых прав человека, ни дома своего, ни имущества и вдруг обрел в душе своей весь мир одной только верой, настолько сильной и искренней, что стал понятен и близок людям другой веры и почитаем ими. И что произошло, это вовсе не из-за того, что русские в душе своей рабы, как глумливо выражаются иногда радетели о свободной России, но наоборот, это было то дивное соединение с Богом; чудо, даваемое лишь свободным в душе от злобы, зависти, материальной

чаи помощи людям от св. Иоанна Русского.

А потом были многие километры по каппадокийским дорогам, где удалось осмотреть 60 храмов с фресками, резными крестами, рельефными изображениями, зафиксировать их на фото и видео аппаратуру и с огромным желанием увидеть это еще раз вновь, очутиться в этих фантастических долинах, наполненных духом живших здесь великих подвижников, запечатленной на прекрасных фресках веры в скальных храмах, вырубленных в толще туфа и как бы причастившись к великой культуре Византии, так дивно расцветшей на русской земле, но не рабским подражанием, а преобразенной национальным духом, идеей Третьего Рима, поднявшего выпавший скипетр, павшего в 1453 году под ударами турок Константинополя, столицы, погибшей вместе со своим императором Империи ромеев.

Так жил он до 40 лет и по смерти своей был похоронен не как раб, а как человек.

Материал оформлен фотографиями автора.